

«Лит. газета», 1978, 25 окт.

Пьер ГАМАРРА

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ВСЕХ ВРЕМЕН

Как уже сообщалось в «ЛГ», № 42, Париж в октябре широко отмечает 150-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. В размахе этих торжеств, в их разнообразной программе отражаются глубокое уважение французов к русской культуре, любовь к творчеству великого русского писателя.

Об истоках своей любви к Толстому рассказывает в специально написанной для «Литературной газеты» статье французский писатель Пьер Гамарра, главный редактор журнала «Эрон».

Я ЧИТАЮ много романов. Этого требует моя профессия. Замечаю, что с годами роман изменяется. Он шагает в ритме нашей жизни, наших надежд и страданий. Он шагает в ритме наших языков. И все же в лучших современных романах звучит нестареющая музыка Шехерезады, высокая радость повествования, этого «жили-были», которое читатель всегда ценит и ищет.

Роман является свидетелем нашего времени, нас самих, он — выразитель разнообразных моментов существования человека, исторической и челове-

ской действительности, он — гимн воображению и мечте, он вдохновляет нас, захватывает, заставляет трепетать, плакать или смеяться.

Все это я нахожу у Толстого и читаю, что Толстой принадлежит к писателям, оказавшим глубокое воздействие на традиции романа, к художникам, в чьих произведениях всегда слиты нераздельно реальная жизнь и мечта. Я не вкладываю в слово «мечта» значения неосознанного, хотя и неосознанное может быть частью творчества. Я подразумеваю под словом «мечта» разноликость поэ-

зии, поэтическое дыхание, вдохновение.

Л. Толстому свойствен точный анализ своего времени, истории, которую он ощущал, конечно, по-своему, но вполне конкретно и, в общем, достоверно. Думаю, можно говорить о документальном и историческом реализме Толстого. Видение истории, которое он преподносит читателю, следует считать бесконечно обоснованным, даже если оно не совпадает с точкой зрения профессионального историка. Видение это настолько правомерно, что прогрессивные историки, как мне известно, никогда не опровергали его, хотя порой и вступали в дискуссии по поводу того или иного эпизода, той или иной детали.

В Толстом ощущаются, кроме того, музыка, поэзия, тот трепет, те сомнения, какие сопровождают худож-

ника в его поиске. Музыка языка! О ней следовало бы сказать гораздо ярче, чем я в состоянии это сделать. Поражают кристальная выразительность толстовского слова, его вдумчивая глубина при всей кажущейся простоте.

Толстой был человеком сложным, он стремился к совершенству, будучи уверен, что не сможет его достичь. Это угадывается не только в его мыслях, но и в том, что я бы назвал непреходящей скромностью и сомнением. Поль Валери считал классиками писателей, которые никогда не теряют критического отношения к себе. Я уверен, что Толстой — истинный классик.

Сегодня мы можем свысока анализировать эти устремления и самобичевания великого писателя. Но проявим скромность и мы. Извлечем пользу из его

уроков, поучимся его трезвости, желанию проникновенно увидеть многое и одновременно не забывать, что и многое — это еще не все.

Я открыл Толстого очень рано и еще подростком увлекся его книгами. Как полагаются, я прочел их несколько раз. Первое чтение было приключенческим и историческим. Иден Толстого, его мистицизм, религиозность казались мне тогда помехой и воспринимались как нечто туманное и второстепенное. Затем во время войны меня захватило другое чтение Толстого, и мне кажется спустя тридцать лет, что именно впечатление от этого чтения оказалось самым сильным. Я увидел русскую землю времен Толстого, русский народ, огромную страну, стонущую от непосильного труда и залитую слезами людей.

Что же касается идей Толстого, то если я и отношусь к ним с уважением, если и стараюсь понять их исторический смысл, все же они трогают меня значи-

тельно меньше, чем выразительная поэзия земли, поэзия природы и духа, которую я осажу на его страницах и которая оставляет во мне ощущение такого же явственного и живого аромата, как аромат мокрой травы в раннее весеннее утро.

И еще один урок преподал мне Толстой: урок трудолюбия и терпения, необходимых писателю. Известно, конечно, что одним только трудом шедевров не создашь. Но и одного таланта тоже недостаточно. Все великие обычно работали очень много. Работали? Безусловно, даже если эта работа была вдохновенной, она не переставала быть трудом. Толстой был предан своему делу с утра до позднего вечера, в каждый час своего существования. Любые обстоятельства его многообразной жизни сыпались, словно зерна, в жернова его творчества.

Вот почему Толстой, более чем кто-нибудь другой, остается для читателей всех времен главным рассказчиком и мыслителем.